ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Объедков Иван Валентинович, кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания средней школы № 1448 г. Москвы – «Шуваловской гимназии»; e-mail: ksumballon@mail.ru

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В РУССКОМ ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ О ВСТУПЛЕНИИ РУМЫНИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Статья анализирует различные аспекты сотрудничества офицеров русского Генерального Штаба с журналистами по информационному сопровождению вступления Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты. Обсуждая на пресс-конференциях занятие русскими войсками Буковины, а также планы захвата Трансильвании, офицеры Генерального Штаба стремились подтолкнуть румынских политиков к союзу с Россией. Вступление Румынии в войну в августе 1916 г. заставило Генеральный Штаб заняться конструированием позитивного образа румынской армии, маскировкой ее неудач, а также оправданием поражений русских и румынских войск. Негативный общественный резонанс, вызванный отступлением русских войск из Румынии, и ее оккупация германскими войсками способствовали нарастанию политического кризиса в России к февралю 1917.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Генеральный Штаб, русская военная журналистика, пресс-конференции, Румыния.*

Ivan V. Obedkov, PhD in History, teacher of History and Social Studies at Moscow Shuvalov gymnasium № 1448; e-mail: ksumballon@mail.ru

PRESS CONFERENCES IN THE RUSSIAN GENERAL STAFF ABOUT ROMANIA'S ENTRY INTO WORLD WAR I

The article analyzes various aspects of cooperation between the Russian General Staff and journalists on the information support of Romania's entry into World War I on the side of the Entente. Discussing at press conferences the Russian occupation of Bukovina and the same plans for Transilvania, General Staff officers tended to push Romanian politicians into an alliance with Russia. In autumn of 1916, the Romanian army suffered a heavy defeat, after which Russian General Staff officers began to design the positive image of Romanian troops, camouflage their failures and justify the

retreat of Russian troops from Romania. The unsuccessful battles in Romania clearly contributed to the aggravation of the political crisis in Russia by February 1917.

Key words: *World War I, General Staff, Russian military journalism, press conferences, Romania.*

Введение

Обстоятельства вступления Румынии в Первую мировую войну и участие русской армии в военных действиях на ее территории привлекают внимание историков в связи со столетней годовщиной этих событий. Но их информационное сопровождение до сих пор оставалось вне рамок исследований.

21 июля 1914 г. Военное министерство официально объявило о возложении на Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ) «осведомления населения... о переживаемых и предстоящих военных событиях исторической важности». Офицеры ГУГШ приступили к проведению ежедневных пресс-конференций для журналистов в здании на Дворцовой площади. С 1 августа 1914 г. эти «беседы» начали стенографироваться[1].

Изучая тексты стенограмм, автор данной статьи поставил перед собой цель ответить на следующие вопросы:

- Кому из представителей Генерального Штаба поручалось освещать события, связанные с участием Румынии в войне?
- Когда и по каким причинам тема вступления Румынии в войну включалась в повестку дня пресс-конференций?
- Какую информацию о Румынии и о военных действиях на ее территории ГУГШ сообщало журналистам в 1916 г.?
- Как офицеры ГУГШ обрабатывали информацию и преподносили ее журналистам?
- Какие периодические издания присылали корреспондентов на пресс-конференции? Какие сведения о боях в Румынии их интересовали, и как они воспринимали и переосмысливали полученную информацию?
- Какие сведения и по каким причинам ГУГШ скрывало от журналистов?
- Как опыт освещения боев в Румынии повлиял на дальнейшую информационную политику русского военного ведомства, а также пропагандистских учреждений союзников России?

Кто освещал боевые действия в Румынии?

С июля 1914 г. до июля 1916 г. пресс-конференции проводил полковник Генерального Штаба Александр Михайлович Мочульский. После его откомандирования на фронт[2] ГУГШ сформировало для руководства этим участком информационной войны группу своих представителей, понимавших значение журналистики в военное время. Прибывший в распоряжение начальника ГУГШ в мае 1916 г. генерал-майор Александр Сергеевич Пороховщиков закончил Московский университет (Волков, т. 2, с. 256) и Николаевскую Военную академию[3]. Полковник Иван Григорьевич Акулинин, ставший помощником делопроизводителя в ГУГШ с августа 1916 г.[4], обладал абсолютной грамотностью и литературным дарованием (Ганин, 2013, с. 109). Полковник Владимир Николаевич Доманевский[5] позже, в эмиграции, сам взялся за перо и написал интересные воспоминания (Волков, т. 1, с. 380). Полковник Георгий Иосифович Клерже, приобретя опыт комментирования боев на Румынском фронте, в мае 1917 г. возглавил Бюро журналистов при Отделе генерал-квартирмейстера ГУГШ[6]. До конца ноября 1916 г. вместе с ними работал генерал-майор Сергей Павлович Товарищев[7]. Периодическое сопредседательство генерал-майора императорской Свиты графа Григория Ивановича Ностица свидетельствовало о внимательном отношении Верховного Главнокомандующего Николая II к освещению в печати боев в Румынии[8].

Когда события в Румынии включались в повестку дня? Стенограммы пресс-конференций, проведенных в 1914–1915 гг., свидетельствуют о намерении ГУГШ вовлечь Румынию в войну с самого ее начала, попугать правительство страны перспективой присоединения к России австро-венгерской Буковины, объекта территориальной экспансии Бухареста с многочисленным румынским населением.

1 сентября 1914 г. журналистам было объявлено о взятии русскими войсками Черновиц – главного города этой области. Полковник А.М. Мочульский заверил участников пресс-конференции, что сочувствие к России и державам Тройственного согласия «...проходит красной нитью в румынском населении только что присоединенной к нам области Буковины». Мочульский сообщил о наличии в «стране буков» до 42% русского населения, а также о приверженности к православию 73% ее жителей. Таким образом, Буковина оказывалась «родственно близка на-

шему Юго-Западному краю»[9]. Явно имея в виду династический союз Молдавии с Московским государством, заключенный Иваном III (Алексеев, 1991, с. 146), он представил историческую справку о преобладании в Буковине русского населения еще в 1482 г. Полковник сделал многозначительный вывод: «Самое древнее население этой области совершенно родственно нам и крепко держалось русских заветов... Много есть подтверждений тому, что теплившиеся чувства и стремления славизма не могли быть вытравлены Австрией»[10].

На пресс-конференции 20 декабря 1914 г. Мочульский выразил не только уверенность, что успехи русской армии в Буковине «чрезвычайно живо могут влиять на настроение румынского общества», но и надежду на скорое занятие русскими войсками Сучавы – исторической столицы Буковинского княжества. Полковник еще раз подчеркнул, что румыны не являются большинством населения Буковины[11]. 3 января 1915 г. он объявил: вся Буковина «от края до края этой области» находится в руках русской армии, а ее румынское население встретило русскую пехоту с искренней симпатией[12].

27 сентября 1915 г., после объявления Болгарией войны России, полковник снова подчеркнул важность стратегического положения Буковины «в период происходящих изменений в группировках держав». «Только действия на другом крайнем фланге, именно против Двинска и Риги, могут равняться по объему деятельности с этим крайним левым флангом», – указал он[13].

3 января 1915 г., А.М. Мочульский предупредил о вероятности дальнейших шагов «наших войск по пути завоеваний прилегающих к Буковине пространств Трансильвании»[14]. В последних числах марта 1915 г. он заговорил об ожидании Трансильванией, расположенной в австро-венгерском тылу, освободителей с востока[15].

На фоне отступления русской армии по всему Восточному фронту, начавшегося в апреле 1915 г., в газетах появились заметки о намерении центральных держав удержать Румынию от союза с Россией. ГУГШ старался снизить накал страстей в русской публицистике. А.М. Мочульский строго указал: «В разговорах о Румынии получается невыгодное впечатление, будто бы мы без Румынии не можем существовать... Вопрос о Румынии не является настолько острым, как его делают газетные статьи и общественное мнение». Проявляемая общественным мнением «некото-

рая истеричность в этом вопросе... совершенно ничем не оправдывается, и... для великодержавного достоинства России следовало [бы] оставаться вполне объективным» к тому положению вещей, которое создается «под влиянием тех или иных шагов Румынии»[16].

На пресс-конференции 25 августа 1916 г. генерал-майор А.С. Пороховщиков назвал минувшую неделю удачной, поскольку Румыния наконец вступила в войну[17]. Разъясняя причины удлинения русско-германского фронта от Карпат до Черного моря, 27 августа полковник И.Г. Акулинин сообщил журналистам о стратегической цели русских войск в Румынии: «Мы пойдем на Софию»[18].

14 сентября А.С. Пороховщиков уточнил решающее значение для победного исхода войны «главной артерии организма вражеских сил», железнодорожной магистрали, соединявшей столицы держав Четверного союза – Берлин, Вену, Будапешт, Софию и Стамбул. Союзники, воевавшие на Салоникском фронте, не смогли справиться с этой задачей и преодолеть 200 верст, отделявшие их от Софии. Другие узловые пункты военных действий – Перрон во Франции, Триест в Австро-Венгрии, Львов в Галиции, Диарбекир в Турции, – как сказал генерал, «не могут иметь и тени решающего значения». «Единственную линию, обслуживающую территорию наших врагов на всем ее протяжении, ... становой хребет, который, пока цел, будет обеспечивать свободу движения, а следовательно, и силу сопротивления живучего туловища совокупности центральных держав» следовало перерезать ударом с румынской территории, находившейся в пределах ста верст от участка железной дороги между Белградом и Нишем[19].

Какая информация о Румынии передавалась журналистам? ГУГШ разъясняло журналистам топографию оборонительных рубежей Румынии на обоих театрах военных действий[20]. Рубежом обороны в Трансильвании, на границе с Австро-Венгрией, служила выгнутая в сторону Черного моря горная цепь Румынских Карпат (Трансильванских Альп). На юге страны оборонительным рубежом на границе с Болгарией служил Дунай. Неподалеку от черноморского берега он круто поворачивал на север, к границе России, отделяя от Румынии Добруджу.

15 (28) августа 1916 г. румынские войска вторглись в Трансильванию. Оправдывая это вторжение, 28 сентября 1916 г. полковник Акулинин назвал австрийцев и венгров агрессорами, которые «хо-

тят раздавить румын», опасаясь потерять «связи с Турцией, а ведь здесь как раз стоят на пути румыны»[21].

30 сентября 1916 г. стенограмма засвидетельствовала ухудшение положения румынских войск. Судя по отсутствию стенограмм за следующие дни, неприятные новости заставили ГУГШ прервать проведение пресс-конференций с 1 по 5 октября. Только 6 октября 1916 г. генерал Пороховщиков признал факт начала наступательной операции австро-германских войск, заставившей румын отступить из Трансильвании[22]. Месяцем позже, 13 ноября 1916 г., А.С. Пороховщиков был вынужден сообщить журналистам о прорыве германских войск через Карпаты на Румынскую равнину[23].

Хотя Добруджа преподносилась офицерами ГУГШ как плацдарм для развития русского наступления на «железную дорогу Берлин-Багдад»[24], именно там уже 25 августа 1916 г. русских пропагандистов ждал первый неприятный сюрприз. А.С. Пороховщиков гарантировал журналистам неприступность русских укреплений в Туртукае, неподалеку от Бухареста, мешавших противнику форсировать Дунай. К несчастью для генерала, русские войска успели отступить из Туртукая, и об этом узнал корреспондент «Русского Слова». Он захотел уточнить, пытался ли гарнизон крепости сражаться в осаде или отбить хотя бы один штурм болгарских войск? «Сведения скудные», – признался сконфуженный Пороховщиков. По официальным сообщениям, противником в Туртукае «кажется... взято несколько фортов», однако крупных его сил там быть не должно, «потому что болгарская армия не настолько велика»[25].

27 августа 1916 г. И.Г. Акулинину пришлось объясняться с журналистами по поводу захвата болгарскими войсками второго после Туртукая стратегически важного пункта – румынского порта Балчик в южной Добрудже. Ему пришлось рассказать о появлении у Турции подводных лодок и об опасности превращения этого порта в базу для вражеских субмарин, чтобы оправдать обстрел Балчика русскими миноносцами[26].

Несмотря на возникшие осложнения, 10 сентября 1916 г. И.Г. Акулинин пообещал журналистам развитие операции русско-румынских войск в Добрудже, «по виду незначительной... в нечто грандиозное»[27]. Однако через месяц, 10 октября, он признал дальнейшее ухудшение ситуации и сообщил о «временном» отходе из Добруджи русских, румынских и сербских войск[28].

Невыполнимой задачей оказалась оборона Констанцы. 27 октября 1916 г. И.Г. Акулинин был вынужден сообщить журналистам о превращении и этого румынского порта в базу для подводных лодок противника, и даже «для налетов аэропланов и цеппелинов» на Одессу и Севастополь[29].

13 ноября 1916 г. А.С. Пороховщиков уже не смог скрыть свершившийся факт переправы немецких войск через Дунай[30]. 7 декабря 1916 г. журналистам сообщили об окончательном отступлении русских войск из Добруджи: «Этот второстепенный театр военных действий всегда имел целью лишь прикрытие левого фланга войск, оперирующих в великой Валахии. С отходом русско-румынских сил на Браилов, Добруджа, естественно, теряет свое значение»[31].

Первое сообщение о возникновении угрозы Бухаресту прозвучало 27 октября 1916 г. И.Г. Акулинин рассказал о разработанном противником плане взятия города, но успокоил корреспондентов, указав, что до Бухареста врагам еще далеко. К тому же немецких и болгарских войск как в Трансильвании, так и Добрудже не хватало для проведения столь масштабной операции[32]. На пресс-конференции 3 ноября 1916 г. генерал Пороховщиков, не имея точной информации, еще надеялся на сохранение внушительных румынских резервов, прикрывающих «сердце государства» и близлежащий нефтеносный район[33]. Но 16 ноября 1916 г. С.П. Товарищев сообщил о приближении к румынской столице на расстояние 80–100 верст двух немецких группировок с запада и северо-запада, захвативших узловую станцию Питешти. Третья группировка во главе с Макензеном, переправившаяся на левый берег Дуная, находилась в 40 верстах к юго-востоку от города[34]. 23 ноября 1916 г. И.Г. Акулинин предупредил, что в случае утраты румынами контроля над нефтедобывающим районом Плоешти «стратегическое значение Бухареста потеряется»[35].

17 ноября 1916 г. Г.И. Клерже рассказал о переброске к Бухаресту русских войск с заданием «облегчить положение левого фланга румынской армии, попавшей в довольно тяжелое положение»[36]. Однако 23 ноября раздраженный Акулинин признался: «Положение Бухареста со всех сторон серьезно. За последние дни намечалось улучшение, но не осуществилось...»[37]. Он не стал отрицать непрерывного отступления румынских войск на всех направлениях, и изрядной «потрепанности» тех частей, которые отойдут к Бухаресту[38].

На пресс-конференции 1 декабря 1916 г. обсуждалось стремительное отступление терявших боеспособность румынских войск по всей линии фронта. Генерал С.П. Товарищев сообщил журналистам о нанесении главного удара германских войск на важнейшем участке между Бухарестом и Плоешти. Положение румын стало критическим, и генералу пришлось признаться: «В каком направлении от Бухареста отходят румынские войска, неизвестно...». Фактически он заявил о разгроме союзницы: «Румынская армия нуждается, чтобы ей дать временно отдохнуть, оправиться на главнейшем направлении»[39].

7 декабря 1916 г, после потери Бухареста, офицеры ГУГШ подвели итоги кампании: «Мы вправе предположить, что дальнейшему наступлению противника в Румынии положен предел. Во всяком случае, левый фланг румынской армии и действующие здесь наши войска выведены из того тяжелого положения, в которое их ставил энергичный нажим Макензена»[40].

Комментируя бои в Румынии, офицеры ГУГШ использовали различные приемы подачи информации. До вступления Румынии в войну подогревался интерес журналистов к проявлениям пророссийских настроений. 1 сентября 1914 г. их проинформировали о состоявшейся в Бухаресте манифестации в поддержку России[41].

Подогревался интерес и к любым свидетельствам охлаждения румыно-германских отношений. 4 апреля 1915 г. корреспондентам сообщили о предостережении от политической слепоты, сделанном румынской газетой «Adeverul» своим землякам – германофилам[42]. На пресс-конференции 30 декабря 1915 г. зашел разговор о самоубийстве помощника начальника штаба 2-го Румынского корпуса майора Ионеску. Выдав себя за русского офицера, он продал немцам румынский мобилизационный план за 250 тысяч франков, но был разоблачен. А.М. Мочульский философски прокомментировал торговлю секретными документами: «Это система обычная, никто от нее не отказывается»[43].

Офицеры ГУГШ не могли удержаться от выражения недовольства по поводу колебаний Румынии, не торопившейся воевать. На утренней пресс-конференции 3 декабря 1914 г. А.М. Мочульский обмолвился: «...есть в гимнастике и фронтовой муштре шаг на месте и бег на месте, и вот я уподобляю этому работу румынской дипломатии и вообще все то, что связано в деятельности румын с войной. Они создают иллюзию деятельности, но плодов не видно»[44].

Убеждение русской общественности в целесообразности союза с Румынией потребовало конструирования позитивного имиджа румынской армии. На старте боевого содружества использовалась сдержанная похвала. 28 августа 1916 г. И.Г. Акулинин сказал: «Наши новые союзники румыны, хотя медленно, но настойчиво продолжают продвижение в Трансильванских Альпах, причем за последнее время им удалось занять ряд важных горных узлов и перевалов»[45]. 30 сентября 1916 г. А.С. Пороховщиков дал позитивную оценку первым итогам боевых действий румынской армии. По его версии, немцы планировали загнать румын в мешок, образуемый Дунаем и берегом Черного моря. Генерал смело сравнил провал этого плана с тщетными попытками немцев наступать на Париж и Петроград. Более того, относительно благополучное начало военных действий в Румынии побудило А.С. Пороховщикова замахнуться на разработку периодизации Первой мировой войны. Он воздал должное «грамотным действиям германцев в первый период войны». Затем «начался период, когда не только дальнейшее наступление их приостановилось, но им приходится все время решать трудную задачу – удержать союзные армии от общего наступления». «В общем, – резюмировал генерал, – надо считать, что мы присутствуем при втором периоде войны... Нетрудно предвидеть, чем должен закончиться третий период. Сначала война шла на нас, затем колебания, а затем третий период»[46]. В последний раз представители ГУГШ сдержанно восславили «доблесть некоторых румынских частей и их командного состава» на пресс-конференции 18 декабря 1916 г.[47]

Откровенные разговоры с представителями русской прессы о поражениях румынской армии в осенних боях 1916 г. могли вызвать дипломатический скандал и преждевременный выход Румынии из войны. В связи с этим неудачи румын приглушались. Лишь 14 сентября 1916 г. А.С. Пороховщиков впервые выразил недовольство действиями союзницы: «Четвертая неделя со времени выступления Румынии не дала ничего выдающегося»[48]. Двумя неделями позже офицерам ГУГШ пришлось непрерывно смягчать негативное впечатление от непрерывного отступления румынской армии и катастрофического падения ее боеспособности. Требовалось дать хотя бы минимально положительную оценку румынского вклада в войну. 6 октября 1916 г. А.С. Пороховщиков сформулировал ее: «Притянув на себя внушительные силы общего нашего

противника, румыны заставили его вытянуть свой фронт еще на несколько сот верст и этим облегчили задачу держав Согласия». Он придал отступлению румын героический оттенок: «Отступая шаг за шагом, и нанося противнику серьезные потери, союзники наши постепенно подошли к пределам своей территории»[49]. Примером конкретного успеха он представил результаты боев 16 октября 1916 г. По версии А.С. Пороховщикова, румыны перешли в наступление почти по всему фронту и добились блестящих результатов, взяв в плен 10 немецких офицеров, 1800 нижних чинов, захватив при этом 20 пулеметов и 2 горных орудия. «Цифра трофеев невелика, – признал генерал, – но важно то, что несомненный успех получился на каждом из направлений, по которым наступали румынские войска»[50].

Традиционным приемом в арсенале пропагандистов ГУГШ было утверждение о пользе отступления ради улучшения стратегического положения. Именно так 13 октября 1916 г. А.С. Пороховщиков представил отступление румынских войск из Трансильвании: «Сравнивая положение румынских армий в начале кампании и теперь... настойчиво является мысль, что положение это улучшилось, притом весьма существенно... В период боев в Трансильвании... армии румын были совершенно лишены свободы маневрирования». Им мешало отсутствие «глубины театра». «По мере выхода на равнину свободы действий у румын становится все больше и больше и теряется противником». Он предрек германским войскам, наступавшим по горным долинам Карпат, разгром по частям[51]. 13 ноября Пороховщиков обнаружил новые преимущества в отступлении румын: «...к Бухаресту подать наши резервы, это уже вещь возможная, потому что гораздо ближе путь по железной дороге»[52].

3 ноября 1916 г. А.С. Пороховщиков, не скрывая, что «румыны были оттеснены до их границы» к Карпатам, акцентировал внимание на ценности современного боевого опыта, приобретенного ими[53]. 5 ноября И. Г. Акулинин, сославшись для большей достоверности на сообщение Германской Главной Квартиры, заверил корреспондентов: «Румыны упорно защищают свою родную землю на всех путях, ведущих на юг через горные проходы Ротентурм и Чурдук»[54]. 19 ноября он добавил, что и на подступах к Бухаресту «несмотря на сильный артиллерийский огонь и ожесточенные пехотные атаки, румыны стойко удерживают свои позиции»[55]. Одна-

ко 27 ноября А.С. Пороховщиков, уже не желая отвечать за поражения союзницы, занял позицию стороннего наблюдателя: «Очень интересно следить за периодом борьбы небольшого государства с таким колоссом, как союз центральных держав»[56]. Вывод с фронта румынских войск, утративших боеспособность, заставил В.Н. Доманевского 19 декабря заверять корреспондентов в немногочисленности разложившихся частей[57].

Оригинальной попыткой смягчить впечатление от румынской катастрофы стала подготовленная к 7 декабря 1916 г. в недрах ГУГШ статья неизвестного автора под заголовком «К оставлению Бухареста». По распоряжению начальника 4-й части Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора Давида Евстафьевича Козловского, отвечавшего за военную пропаганду, два ее экземпляра были отосланы в редакции петроградского «Нового Времени» и московского «Русского Слова». Высоко оценив вступление Румынии в ряды держав, борющихся с Германией, понимая, что «наши враги не преминут раздуть оставление Бухареста как большую победу», автор сравнил это событие с оставлением Москвы русскими войсками в 1812 г., которое так и не привело к победе Наполеона. «Перед королем Румынии во всей остроте и важности, как в свое время перед русским императором Александром I, предстала грозная задача выбора между столицей и армией. Так же, как и в 1812 г., решение было вынесено в пользу армии, и нельзя перед этим решением не преклоняться», – утверждала статья. Ее автор хвалил румын за глубокую веру в свои силы и за полное единение с союзниками. Он был уверен в грядущем поражении врага, когда «молодая, сильная духом румынская нация сделает Бухарест столицей объединенной Румынии»[58]. Сомнительность авторских аргументов была очевидной, и ни одна из газет статью не напечатала.

В качестве приема подбадривания журналистов использовалось напоминание о продолжавшемся наступлении армий Юго-Западного фронта. «Недавние успехи Брусилова» создавали иллюзию возможности победоносного прорыва и в Румынии. 21 сентября 1916 г. А.С. Пороховщиков объяснил решение германских стратегов нанести удар по левому флангу румынских войск в Трансильвании стремлением воевать «вдали от неприятной близости Брусиловских армий»[59]. 3 ноября 1916 г. генерал продолжал ободрять газетчиков: «Продвижение немцев совершается с большим тру-

дом, они могут ожидать, что армии Брусилова так или иначе переправятся и начнут наступление на широком фронте»[60].

Представители ГУГШ не допускали негативного отождествления поражений в Румынии с боями на других участках русско-германского фронта. 11 октября 1916 г. Г.И. Клерже отделил события «на нашем главном фронте, между Рижским заливом и румынской границей» от событий на южном фланге «нашего общего русско-румынского фронта в Добрудже». Там ответственность за начавшееся отступление формально лежала на румынских военачальниках[61]. По той же причине 21 октября А.С. Пороховщиков опроверг мнение корреспондента газеты «Русское Слово» о взаимосвязи между развитием боевых действий на Юго-Западном фронте и в Румынии[62]. Стенограмма пресс-конференции от 16 ноября также свидетельствует о формировании офицерами ГУГШ представления, будто относительно стабильный русско-германский фронт от Балтийского моря до Лесистых Карпат не имеет отношения к «почти безостановочному движению австро-германцев к Бухаресту»[63].

Последним приемом подбадривания журналистов стало напоминание о наличии в тылу отступавших русско-румынских войск резервных оборонительных рубежей.

Отступление к устью Дуная подтолкнуло И.Г. Акулинина к заявлению на пресс-конференции 10 октября 1916 г. о неправомерности представления «об окончательном захвате Добруджи и нашем уходе оттуда», пока под контролем русско-румынских войск оставались два стратегически важных очага обороны – румынский порт Констанца и укрепления моста через Дунай в местечке Черноводы, преграждавшие противнику путь на Бухарест со стороны Черного моря[64]. 11 октября 1916 г. Г.И. Клерже поддержал коллегу: «Несомненно, положение Румынии сейчас, в смысле стратегическом, довольно серьезное, но не такое, чтобы можно было делать какие-либо чрезвычайные выводы, потому что берега Дуная в руках Румынии и форсировать его... болгарам и туркам будет нелегко»[65]. А.С. Пороховщиков обратил внимание журналистов на инженерные особенности Черноводского моста. «Это грандиознейшее сооружение тянется верст [на] тридцать. Дунай здесь имеет несколько рукавов, между которыми громадные болотистые пространства. Переправиться на другой берег так же трудно нам, как и немцам»[66]. На пресс-конференции 13 октября 1916 г. Поро-

ховщиков заверил собравшихся в отсутствии у врага тяжелых орудий, стреляющих на 15 верст, и сделал преждевременный вывод о неспособности вражеской артиллерии причинить серьезный урон защитникам моста и поддержать переправу своей пехоты на левый берег Дуная[67].

Отступление румын из Трансильвании побудило А.С. Пороховщикова заявить на пресс-конференции 3 ноября 1916 г.: «Карпатский рубеж, отделяющий главные массы обеих сторон, по-прежнему представляет препятствие, которое подвергает опасности частичного поражения все, что через него удалось бы перебросить»[68].

Опасная перспектива отступления русских и румынских войск на территорию России стала причиной обсуждения 19 декабря 1916 г. топографии молдавской реки Серет. Сопредседатель пресс-конференции граф Г.И. Ностиц назвал Серет серьезной преградой, благодаря быстрому течению, отсутствию бродов и крайней сложности наведения понтонных мостов[69].

Подбадривая корреспондентов, представители ГУГШ внушали надежду и на помощь союзников по Антанте. 9 октября 1916 г. об этом заявил И.Г. Акулинин[70]. 7 декабря журналистам пообещали, что бои за Верден не позволят немцам перебросить резервы из Франции в Румынию[71].

Если подбодрить журналистов оказывалось невозможно, офицеры ГУГШ делали вид, будто не произошло ничего особенного. Например, 30 августа 1916 г. Г.И. Клерже заявил: «...падение Туртукая не является ничем особенно неожиданным, ...в смысле последствий это не страшно»[72]. Любимым приемом А.С. Пороховщикова была ссылка на отсутствие худшего развития событий. 13 ноября 1916 г. он сказал, что сочтет положение серьезным только после прорыва не менее шести германских корпусов через Ротентурмский перевал и город Тыргу-Жиу. В тот же день, признавая свершившийся факт переправы немцев через Дунай у Черновод и Зимницы, он заявил: «Это такие переправы, которые не идут в счет... Вот если бы сказали, что у Зимницы переправились три германских корпуса... тогда бы я сказал, что положение серьезное»[73]. 27 ноября нехватка аргументов заставила Пороховщикова раздраженно воскликнуть: «Германские успехи в Румынии... да имеем ли мы право сосредоточивать так свое внимание на молдаво-валахском фронте?» По его мнению, во время мировой войны следовало не мелочиться, а оценивать события с глобальной точки зрения[74].

Председательствуя на пресс-конференциях, А.С. Пороховщиков регулярно выдавал желаемое за действительное. 19 октября 1916 г. он удовлетворенно заметил: «Что румыны остановили их на границе своей территории, про это и говорить уже не приходится, – факт совершившийся»[75]. 3 ноября 1916 г. он возбужденно заявил: «...должен грезиться уже противнику призрак русских армий, скатывающихся от Карпатского хребта в Трансильванию». Пойманный на слове журналистами, Пороховщиков покаялся в чрезмерно богатом воображении, мечтая о потенциальном эффекте от прорыва через горы хотя бы маленькой группы русских солдат: «...по всей Трансильвании пронесся бы слух о том, что русские перешли через Карпаты... в смысле воздействия на население это – нечто, что всегда производит впечатление»[76].

3 ноября 1916 г. Пороховщиков договорился до весьма спорного утверждения: «На Балканском театре дела германцев совсем незавидны»[77]. 27 ноября 1916 г., вспоминая о ликовании, с которым «враги наши» оккупировали территорию Румынии, генерал указал на падение биржевых курсов германской марки и австро-венгерской кроны и предсказал: «Никогда еще не вставала с такой разительностью картина предстоящего полного неминуемого поражения врага»[78].

Пороховщиков убеждал журналистов в несоответствии успехов германских войск яркости их освещения вражеской пропагандой. На пресс-конференции 11 декабря 1916 г. он сослался на использование немцами опыта Наполеона «и других корифеев военного дела». «В результате получается, что все наши успехи и успехи наших союзников быстро затираются и затушевываются, а действия германцев приобретают совершенно несоответствующую их действительному значению окраску... и нас все еще стараются загнать в щель под гипноз успеха румынской операции...»[79].

Конструирование образа врага из вчерашних братьев-болгар требовало от офицеров ГУГШ политической осторожности. Только однажды, 27 августа 1916 г., И.Г. Акулинин, оправдывая отступление из Добруджи, сослался на враждебность ее преимущественно болгарского населения к румынам[80]. Говоря журналистам о планах наступления на Софию, Акулинин обнадежил их: «Теперь уже, после 1877 г., [там] проведено было очень много хороших дорог»[81]. Хотя в 1916 г. офицеры ГУГШ избегали разговоров о превосходстве вражеской артиллерии, Акулинин объяснил потерю

Туртукая успешным применением болгарами крупнокалиберных пушек германского производства[82].

Журналистов информировали о германских военачальниках, действовавших в Румынии. 10 сентября 1916 г. И.Г. Акулинин оценил назначение П. фон Гинденбурга командующим германскими войсками на Восточном фронте: «Чувствуется, что центр тяжести центральные державы начинают переносить на наш фронт»[83]. 25 и 27 октября 1916 г. Акулинин проинформировал журналистов о формальной подчиненности «Западного фронта Молдавии» или Трансильванского фронта австрийскому эрцгерцогу Карлу при фактическом командующем генерале пехоты фон Фалькенгайне, который «безусловно, распоряжается самостоятельно»[84].

Неприязнь русского офицерства к императрице Александре Федоровне прорывалась в отношении к ее немецким родственникам. 4 сентября 1916 г. И.Г. Акулинин сообщил о гибели в бою у Кара-Орман принца Фридриха-Вильгельма Гессенского. В ответ на вопрос корреспондента «Петроградской газеты» об официальной должности погибшего Акулинин небрежно ответил: «...очевидно, самая незначительная, так как он, наверное, молодой, весьма возможно, что кавалерист»[85].

Какие газеты, и с какими целями направляли корреспондентов в ГУГШ? В стенограммах не указывались имена корреспондентов, приезжавших на Дворцовую площадь. Активнее всех были корреспонденты центрального органа партии кадетов «Речь», иногда присылавшей даже двух журналистов, и либеральной газеты «День». В стенограммах сохранились также записи выступлений корреспондентов «Сельского Вестника» и даже «Газеты-Копейки».

Стенограммы не зафиксировали участия журналистов крупнейших петроградских газет «Биржевые Ведомости» и «Новое Время», но сохранили выступления корреспондента московской газеты И.Д. Сытина «Русское Слово». Официальный орган Военного министерства газета «Русский Инвалид» получала информацию непосредственно из Ставки, а также по собственным каналам Генерального Штаба и не нуждалась в материалах пресс-конференций.

До вступления Румынии в войну журналисты боялись ее закулисного сговора с австрийцами. 10 января 1915 г. А.М. Мочульскому пришлось опровергать утверждение корреспондента «Речи» о

получении Бухарестом согласия правительства Австро-Венгрии на ввод румынских войск в Трансильванию без объявления войны[86].

Журналисты надеялись на ухудшение румыно-германских отношений. 30 декабря 1915 г. корреспондент «Сельского вестника» ожидал эффекта от инцидента с майором Ионеску[87].

Журналистов беспокоила близость румынской столицы к границе с Болгарией. 25 августа 1916 г. встревоженный корреспондент «Правительственного Вестника» привлек внимание собравшихся к уязвимому положению Туртукая[88].

23 ноября 1916 г. журналисты заинтересовались укреплениями Бухареста. Корреспондент «Речи» заметил, что немцы захватывают укрепленные позиции с налета, как взяли русскую крепость Ковно[89].

В ноябре 1916 г. журналисты начали опасаться позиционной войны с проволочными заграждениями и пулеметными гнездами[90]. Их опасения быстро сменились осознанием потребности русских войск, отступавших из Румынии, в надежных оборонительных рубежах[91].

У журналистов сформировалось скептическое отношение к боевым качествам румынских солдат. На пресс-конференции 1 декабря 1916 г. генералу С.П. Товарищеву пришлось объяснять причины падения всей тяжести обороны Румынии на плечи русских войск: «Наши части приняли на себя значительную роль арьергарда румынской армии на этом направлении». В этот момент генерала прервал корреспондент «Дня», ехидно закончивший генеральскую фразу словами: «...которое можно измерять протяжением до Дуная»[92].

Журналисты делали собственные выводы о боях в Румынии. Так 10 (23) декабря 1916 г. московская газета «Русское Слово» процитировала побывавшего там французского журналиста Людовика Нодо: «Та легкость, с которой германцам удалась переправа через Дунай,... объясняется, подобно большинству германских успехов в эту войну, превосходством техники»[93]. В связи с этим 18 декабря 1916 г. корреспондент «Речи» мрачно заявил, что основная цель журналистов заключается в подготовке общества к неожиданному отступлению русской армии[94]. 19 декабря 1916 г., заслушав сообщение полковника В.Н. Доманевского об очередном наступлении превосходящих сил противника в Молдавии по всему фронту, корреспондент «Правительственного Вестника» раздраженно указал

на существование неизвестной причины, по которой силы неприятеля везде оказываются превосходящими[95].

По соображениям военной цензуры многие сведения, имевшие потенциал газетных сенсаций, не сообщались журналистам.

Трансильвания ни разу не рассматривалась на пресс-конференциях как приз, обещанный Румынии за ее участие в войне. Журналистам не сообщили о подписанном 18 сентября (1 октября) 1914 г. русско-румынском протоколе, позволявшем союзнице ввести войска в населенные румынами области Австро-Венгрии, но отнюдь не предусматривавшем введения туда русских войск. Не афишировался и отказ стран Антанты присоединиться к этому протоколу (Виноградов, с. 80).

Журналисты не узнали ни о превращении Бухареста с июля 1915 г. в один из центров русской военной пропаганды за границей, ни о прекращении ее там с 14 августа 1916 г. по приказанию начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. Арест 27 августа отвечавшего за пропаганду в Румынии журналиста Иосифа-Сигизмунда Александровича Наимского по подозрению в шпионаже, и его освобождение также не стали предметами обсуждения (Объедков, с. 121).

Журналистам не сообщали почти никакой информации о действиях русских войск в Румынии. Из стенограммы за 19 декабря 1916 г. была изъята фамилия русского генерала, получившего задание руководить реорганизацией румынской армии, фактически выведенной с линии фронта[96]. Не назывались имена румынских военачальников. Формирование в декабре 1916 г. Румынского фронта во главе с королем Фердинандом и генералом Д.Г. Щербачевым также осталось за рамками пресс-конференций.

Опыт информационного сопровождения боев в Румынии изменил политику Ставки, ГУГШ, а также пропагандистских учреждений союзников России в сфере военной журналистики.

Сразу после начала румынского отступления из Трансильвании по предложению И.С.Наимского ГУГШ развернуло информационную войну с агитаторами противника в нейтральных странах, еще не затронутых русской военной пропагандой, настраивая их общественное мнение против продажи продовольствия и сырья в Германию и Австро-Венгрию[97]. 26–27 октября 1916 г. начальник ГУГШ генерал-лейтенант П.И.Аверьянов санкционировал учреждение отделений русского неофициального информационного

агентства «Норд-Сюд» в Швейцарии и США (Объедков, 2015, с. 125; Объедков, 2014, с. 36).

Сдача Бухареста и оккупация почти всей территории Румынии германскими войсками стали очередным поражением царской России, сравнимым с великим отступлением 1915 года. Это позволило Германии сделать вид, будто она выигрывает войну. 29 ноября (12 декабря) 1916 г. ее правительство предложило странам Антанты заключить мир на своих жестких условиях (Нелипович, с. 47). Германская инициатива заставила Ставку не позднее 2 (15) декабря предпринять разоблачение мирных предложений противника в русских фронтовых газетах (Объедков, 2014, с. 164).

С большим опозданием Ставка осознала, что информационно-пропагандистский опыт противника остался неизученным и неиспользованным. Лишь 5 (18) декабря 1916 г. начальник русского отделения Межсоюзнического бюро в Париже полковник Павел Алексеевич Игнатьев, выполняя распоряжение Ставки, выслал в Могилев «Доклад об организации в Германии пропаганды посредством печати (Четвертое оружие)», полученный им из британского Военного Министерства[98].

Русское правительство решило срочно усилить патриотическую пропаганду в солдатских массах. К концу декабря 1916 г. председатель Совета министров Б.В. Штюрмер, министр финансов П.Л. Барк и министр внутренних дел А.Д. Протопопов договорились о выделении одного миллиона рублей на снабжение действующей армии газетами и книгами[99].

Неспособность русской армии удерживать Восточный фронт и оттягивать на себя значительные германские силы с Запада серьезно обеспокоила союзников России (Улунян, с. 16). Это побудило их к вмешательству в ее внешнюю политику и внутренние дела.

В октябре 1916 г. И.С.Наимский обратил внимание ГУГШ на их информационную активность: «Три агентства наших союзников: английское, итальянское и французское... не только не ликвидировали своих отделов в Бухаресте, но, наоборот, с момента открытия Румынией военных действий, значительно расширили их». «События на всех русских фронтах, извещения о которых часто носят сухой характер и отличаются краткостью, остаются совершенно не разъясненными и не использованными в румынской печати, в то время как даже самые мелкие успехи наших союзников: французов, англичан и итальянцев освещаются весьма под-

робно в самом благоприятном для них смысле официозными телеграфными агентствами, восторгающимися этими успехами» (Объедков, 2015, с. 123).

7 января 1917 г. британский военный атташе в Петрограде подполковник А.Нокс обратился в ГУГШ с просьбой составить список журналов и газет, издаваемых штабами русских армий, вместе с адресами их редакций. По официальной версии, англичане захотели информировать русскую фронтовую печать о событиях на Западном фронте[100]. Оперативность ГУГШ, удовлетворившего эту просьбу в течение месяца, заставляет задуматься об оппозиционности русских военных пропагандистов по отношению к Николаю II как главковерху и императору. Как вспоминал генерал Макс Гофман, «революция в России была сделана Англией; мы, немцы, в войне с Россией имели несомненное право усилить революционные беспорядки в стране и в войсках, когда революция, вопреки первым надеждам, не принесла нам мира» (Гофман, с. 148).

Пропагандистская активность французов обнаружила их готовность к распаду России и превращению ее национальных окраин в колонии союзников по Антанте. В письме начальника ГУГШ П.И. Аверьянова № 20466, отправленном 6 декабря 1916 г. товарищу министра внутренних дел А.А. Половцову, говорилось о намерении французского правительства организовать публикацию фотоматериалов о военной мощи западных держав для российских мусульман и сопредельных стран Азии[101].

Почувствовав стремление Англии и Франции оттеснить Россию от послевоенного передела мира, Ставка и ГУГШ приступили к развертыванию русской военной пропаганды не только в нейтральных, но и в союзных странах.

Согласно докладу по ГУГШ № 53303, подписанному 12 декабря 1917 г., генерал-майорами Г.Г.Гиссером и Д.Е. Козловским, «в конце 1916 года» военному агенту в Англии «было предложено организовать... бюро для осведомления общества с событиями в России и направления этого мнения в благоприятном нам смысле»[102]. 21 декабря 1916 г. телеграммой № 20638 ГУГШ предупредил русского военного агента в Париже графа А.А. Игнатьева о необходимости организовать во Франции «комитет для распространения полезных сведений о России»[103].

Анализ стенограмм пресс-конференций в ГУГШ позволяет сделать следующие выводы.

С самого начала Первой мировой войны привлечение Румынии на сторону Антанты считалось в ГУГШ актуальной проблемой. Одним из способов ее решения стало обсуждение с журналистами альтернатив послевоенной судьбы территорий Австро-Венгрии, населенных румынами.

Для информационного сопровождения военных действий в Румынии была организована группа представителей Генерального Штаба под наблюдением представителя Ставки, входившего в Свиту Николая II.

Предполагалось снабжать журналистов информацией об успешных действиях русских и румынских войск в Трансильвании и в Болгарии, о прорыве союзников к линии Багдадско-Берлинской железной дороги и поражении держав Четверного союза. На самом деле, почти с самого начала боев, представителям ГУГШ пришлось заниматься приукрашиванием событий, а также замалчиванием и даже оправданием поражений румынских и русских войск.

Интерес журналистов к превращению Румынии в новый театр военных действий был велик. Однако утаивание информации привело к тому, что к осени 1916 г. пресс-конференции на Дворцовой площади оказались далеко не единственным и даже не самым важным источником для русских журналистов, уже не доверявших официальным военным учреждениям. В результате комментарии Генерального Штаба не смогли внушить оптимизма ни журналистам, ни читателям. Крупные газеты к 1916 г. успели обзавестись собственными источниками информации и мало интересовались сообщениями ГУГШ. Наибольшую заинтересованность проявляли газеты либералов, предчувствовавших падение монархии.

Потеря Румынии как плацдарма для наступления на позиции центральных держав стала вторым после великого отступления 1915 г. крупным поражением для русского верховного командования, а также для русских военных пропагандистов. После вселившего надежду Брусиловского прорыва и приобретения новой союзницы оно было болезненно воспринято общественностью, став одной из предпосылок Февральского переворота в России в 1917 г.

Примечания

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 64 и об.
[2] Список Генерального Штаба. Пг., 1917. С. 93.
[3] Там же. С. 59, 217.
[4] Там же. С. 108.
[5] Там же. С. 83.
[6] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1492. Л. 261 и об.
[7] Список Генерального Штаба. Пг., 1917. С. 49.
[8] Там же, с. 38.
[9] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 75–76.
[10] Там же.
[11] Там же. Д. 4903. Л. 102–103.
[12] Там же. Л. 230.
[13] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4909. Л. 321–322.
[14] Там же. Д. 4903. Л. 230.
[15] Там же. Д. 4905. Л. 71.
[16] Там же. Д. 4903. Л. 210–211.
[17] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1197. Л. 1.
[18] Там же. Л. 7 об.
[19] Там же. Л. 46.
[20] Там же. Л. 121–122 об.
[21] Там же. Л. 69.
[22] Там же. Л. 76.
[23] Там же. Л. 149 об.
[24] Там же. Л. 138–139.
[25] Там же. Л. 2.
[26] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 59; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1197. Л. 5 и об.
[27] Там же. Д. 1197. Л. 37 и об.
[28] Там же. Л. 84.
[29] Там же. Л. 122 и об.
[30] Там же. Л. 149 об.–150 об.
[31] Там же. Л. 216.
[32] Там же. Л. 121–122 об.
[33] Там же. Л. 136 и об.
[34] Там же. Л. 158.
[35] Там же. Л. 186–187.
[36] Там же. Л. 160.
[37] Там же. Л. 188 и об.
[38] Там же.
[39] Там же. Л. 202 и об.
[40] Там же. Л. 216.
[41] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 75–76.
[42] Там же. Л. 533.
[43] Там же. Д. 4912. Л. 30 об.–31.
[44] Там же. Д. 4902. Л. 5.
[45] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1197. Л. 8 и об.
[46] Там же. Л. 72 и об.
[47] Там же. Л. 246 об.
[48] Там же. Л. 50.
[49] Там же. Л. 76.

[50] Там же. Л. 109–110 об.
[51] Там же. Л. 92–93.
[52] Там же. Л. 150 об.
[53] Там же. Л. 138 об.–139.
[54] Там же. Л. 141 и об.
[55] Там же. Л. 188 и об.
[56] Там же. Л. 196.
[57] Там же. Л. 252 и об.
[58] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6437. Л. 59.
[59] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1197. Л. 58 и об.
[60] Там же. Л. 137.
[61] Там же. Л. 86.
[62] Там же. Л. 109–110 об.
[63] Там же. Л. 158.
[64] Там же. Л. 84.
[65] Там же. Л. 86–88 об.
[66] Там же. Л. 137 об.–138.
[67] Там же. Л. 92–93.
[68] Там же. Л. 136–137.
[69] Там же. Л. 253.
[70] Там же. Л. 78.
[71] Там же. Л. 220.
[72] Там же. Л. 11.
[73] Там же. Л. 149 об.–150 об.
[74] Там же. Л. 196.
[75] Там же. Л. 103.
[76] Там же. Л. 136–137.
[77] Там же. Л. 137.
[78] Там же. Л. 196.
[79] Там же. Л. 230 и об.
[80] Там же. Л. 6 об.
[81] Там же. Л. 7 об.
[82] Там же. Л. 7–8 об.
[83] Там же. Л. 37 и об.
[84] Там же. Л. 122.
[85] Там же. Л. 23 об.
[86] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 260–263.
[87] Там же. Д. 4912. Л. 30 об.–31.
[88] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1197. Л. 2 и об.
[89] Там же. Л. 176.
[90] Там же. Л. 134–135 об.
[91] Там же. Л. 253.
[92] Там же. Л. 202 и об.
[93] «Русское Слово». 10 (23) декабря 1916 г. С. 3.
[94] Там же. Л. 249 об.
[95] Там же. Л. 250 и об.
[96] Там же. Л. 252 и об.
[97] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6443. Л. 355–357.
[98] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 75–81.
[99] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6434. Л. 16–17.
[100] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1492. Л. 215.
[101] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6437. Л. 96.

[102] Там же. Д. 8404. Л. 171 и об.
[103] Там же. Д. 6443. Л. 39 и об.

Библиография

Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991.

Виноградов В.Н. Расчеты и просчеты румынских правителей в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2014. № 1.

Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. Т. 1–2. М.: ФИВ, 2012.

Ганин А.В. «Мозг армии» в период русской смуты: статьи и документы. М.: Русский путь, 2013.

Гофман М. Война упущенных возможностей. М.-Л.: Госиздат, 1925.

Нелипович С.Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 4.

Объедков И.В. Генерал Н.Н.Духонин и русская военная журналистика в период Первой мировой войны // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2 (28).

Объедков И.В. Журналист И.С.Наимский и русская военная пропаганда в заграничной печати: 1915–1917 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 3. С. 116–131.

Объедков И.В. Пропагандисты русского военного ведомства в США (1915-1917) // Известия Уральского Федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 3 (130).

Улунян А.А. Румыния в 1916 году: британские оценки и прогнозы// Славяноведение. 2015. № 3.

Notes

Rossiyskiy voenno-istoricheskiy arkhiv. Fondy 2000, 2003 [Russian State Military Historical Archive. Funds 2000, 2003].

Spisok General‘nogo Shtaba. Pg, 1917 [General Staff List. Petrograd, 1917].

References

Alekseev Yu.G. (1991) *Gosudar‘ vseya Rusi* [Sovereign of all Russia]. Novosibirsk: Nauka Publ.

Ganin A.V. (2013) *«Mozg armii» v period russkoy smuty: stat‘i i dokumenty* [The “Brain of the Army” during Russian Unrest: Articles and Documents]. M.: Russkiy put‘, 2013.

Gofman M. (1925) *Voyna upushchennykh vozmozhnostey* [The War of Lost Opportunities]. Moscow-Leningrad: Gosizdat Publ.

Nelipovich S.G. (1998) Nastuplenie russkogo Yugo-Zapadnogo fronta letom-osen‘yu 1916 goda: voyna na samoistoshchenie? [The Attack of the Russian Southwestern Front in Summer and Autumn of 1916: a War Aimed at Self-Exhaustion?] *Otechestvennaya istoriya* 4.

Ob'edkov I.V. (2014) General N.N.Dukhonin i russkaya voennaya zhurnalistika v period Pervoy mirovoy voyny [General N.N. Dukhonin and Russian Military Journalism during World War I]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* 2 (28).

Ob'edkov I.V. (2015) Zhurnalist I.S.Naimskiy i russkaya voennaya propaganda v zagranichnoy pechati: 1915–1917 gg. [Journalist I.S. Naimsky and Russian Military Propaganda in the Foreign Press: 1915–1917]. *Vest-k Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika* 3: 116–131.

Ob'edkov I.V. (2014) Propagandisty russkogo voennogo vedomstva v SShA (1915–1917) [Propagandists of the Russian War Department in the USA (1915–1917)]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* 3(130).

Vinogradov V.N. (2014) Raschety i proschety rumynskikh praviteley v gody Pervoy mirovoy voyny [Calculations and Miscalculations of Romanian Rulers during World War I]. *Slavyanovedenie* 1.

Volkov S.V. (2012) *Generaly i shtab-ofitsery russkoy armii. Opyt martirologa. Tt. 1-2* [Generals and Staff Officers of the Russian Army. The Experience of a Martyrology. Vol. 1–2]. Moscow: FIV Publ.

Ulunyan A.A. (2015) Rumyniya v 1916 godu: britanskie otsenki i prognozy [Romania in 1916: British Assessments and Predictions]. *Slavyanovedenie* 3.

Поступила в редакцию
18.06.2016